

Когда полицейские оттащили придурковатых сыновей Чжао Лао Саня, Лян Чуань, которого от них разделяла стена, вскинул руки, словно пианист, закончивший произведение.

Просто, аккуратно, свободно и легко и ни в коей степени небрежно.

Слегка побелевшие кончики пальцев испачкались серой пылью со стены. Лян Чуань молча достал из кармана платок и тщательно вытер пальцы.

Здесь не было настоящего фортепиано, но в душе Лян Чуань не жалел об этом. Пятна крови в гостиной – лучшие партитуры, а пронзительные крики – самые красивые ноты, хотя мелодии по-прежнему не было.

Чжао Лао Сань, который пытался поднять рукой «части тела», упавшие на пол рядом, был самым преданным зрителем шоу. Его реакцию можно расценивать, как восторг.

В доме четверо недалеких сыновей Чжао Лао Саня полностью контролировались полицейскими. Несколько полицейский примчались на подмогу, едва услышали дикие крики. Каждого сына держала пара полицейских.

Чэнь Яо Тин стоял слегка поодаль, яростно глядя на происходящее. Чжао Лао Саня уже невозможно было спасти, даже если бы его немедленно отправили в больницу, усилия были бы бесполезными.

В конце концов, это его небрежность и невнимательность. Несмотря на богатый опыт в уголовных делах, Чэнь Яо Тин не смог предсказать, что четверо недоумков, которые сидели на полу и глупо хихикали, резко подскочат и набросятся на своего отца.

Что и говорить, Чэнь Яо Тин сам немного испугался. Если бы эти парни бросились не на своего отца, а на полицейских, которые в тот момент находились в гостиной, наверное, его люди выглядели бы сейчас не намного лучше Чжао Лао Саня.

Глубоко вздохнув, Чэнь Яо Тин нахмурился, глядя на следы на полу.

- Сначала окажите помощь Чжао Лао Саню, - сказал он.

- Чэнь Яо Тин, он... он мертв, - ответил ему полицейский.

Чэнь Яо Тин поджал губы и посмотрел на видеокамеру, на которую они снимали допрос. Ему немного повезло, что камера все еще была включена, иначе из-за произошедшего он мог попасть в большие неприятности. Невероятное везение!

За стеной Лян Чуань, вытер пальцы от пыли и молча вышел. Время от времени мимо него

проходили полицейские, вернувшиеся из деревни, им было интересно узнать, что произошло.

Лян Чуань, опустив голову и не разговаривая, направился к дому деревенского старосты. Лян Чуаню было наплевать на сыновей Чжао Лао Саня. Они были дурачками и не чувствовали физическую боль, муки душевной боли им также не были знакомы. Смысла их наказывать не было.

Несомненно, они будут заключены в железную клетку, называемую «психиатрической больницей», на всю оставшуюся жизнь. Для них это будет лучшим наказанием.

В доме деревенского старосты гостиная также находилась на первом этаже. У Цзянь Ху и Цуй Лао Гэн были в наручниках. Им повезло, с ними ничего не случилось, они по прежнему сидели на диване.

В гостиной было только два полицейских. Сначала их было пять или шесть, но услышав о происшествии в доме Чжао Лао Саня, они побежали на подмогу. У Цзянь Ху и Цуй Лао Гэна охранять остались двое представителей власти.

Цуй Лао Гэн стонал и вздыхал, У Цзянь Ху облокотилась на спинку дивана, чувствуя сонливость. Под гипнозом Лян Чуаня она говорила сбивчиво, а когда очнулась, то все еще пребывала в полусонном состоянии. Полиция провела новый допрос. У Цзянь Ху, естественно, все рассказала.

- Деньги пропали... люди ушли... семена не посеяны... девушка мертва... это все твоя вина...- Цуй Лао Гэн снова и снова повторял, ни к кому не обращаясь.

Если копнуть глубже, Цуй Лао Гэн и У Цзянь Ху горные жители. Они трудолюбивы. Несмотря на то, что они по возрасту не старые, на их лицах отложились тяготы жизни.

Они, как и многие другие, живут в горах, занимаются сельским хозяйством, воспитывают детей, и никто про них не знает. Если мимо проедет какой-нибудь репортер, сфотографирует их и выложит фото в интернете, многие будут поражены их простотой и трудолюбием. На такие фотографии невозможно смотреть без слез.

Свои кровно заработанные и скопленные с большим трудом деньги они потратили на покупку девушки у торговцев людьми. Они настолько просты, что думают только о том, чтобы их семья была полной. Им все равно, какие могут наступить последствия, если всплывет, что они общались с торговцами людьми.

Их заботит только одно, сможет ли продолжиться их род и сможет ли женщина, пришедшая в их дом, родить ребенка.

После смерти сына она продала девушку в той же деревне. Большую часть жизни они тяжело

работали, чтобы накопить немного денег, поэтому подумали, что продав девушку, смогут восстановить финансовые потери. Это все равно, что продать мясо после того, как вырастили свинью, это совершенно естественно и оправдано.

Они не глупы, но эгоистичны.

Прочитав протокол допроса Лян Чуань узнал, что У Цзянь Ху в свое время тоже была похищена и продана.

Она должна была испытать боль от похищения и продажи, отчаяние, но когда узнала, что ее сын болен и не может привести в дом невестку, выбрала тот же путь. Она купила девушку, как и ее много лет назад.

В гостиной один полицейский сидел на стуле, другой стоял у двери и смотрел наружу, наблюдая, что происходит.

Он не видел Лян Чуаня, который вошел в переднюю часть дома под акацией.

Лян Чуань пришел не для того, чтобы отомстить за сына Цуй Лао Гэна. Несмотря на болезнь сына Цуй Лао Гэна, его можно было назвать «нормальным». Но убила его собственная мать. Лян Чуаню не хотелось мстить за него. Да и мертвый сын, если бы знал о намерениях Лян Чуаня, скорее всего, отказался бы от вмешательства в его дела.

Но девушка! Будь прокляты торговцы людьми, которые продают людей, и покупатели людей!

Люди, которые продают и покупают себе подобных, словно свиней или крупный рогатый скот, не достойны быть людьми.

Полицейский, сидевший в гостиной, вдруг понял, что Цуй Лао Гэн больше не разговаривает сам с собой. Ему показалось, что старик устал и, наконец, успокоился сам.

Но он не заметил, как в этот момент глаза Цуй Лао Гэна и У Цзянь Ху начали расплываться.

Они видели своего мертвого сына и купленную ими девушку. Они стояли вместе перед ними, а в руках держали младенца.

- Внук... Мой внук...

- Внук!

Цуй Лао Гэн и У Цзянь Ху закричали одновременно.

Полицейские удивленно оглянулись. Они собирались отругать и усмирить стариков, как увидели, что У Цзянь Ху и Цуй Лао Гэн вскочили и бросились к выходу из гостиной.

Полицейский у двери среагировал быстрее, заблокировав выход. Но Цуй Лао Гэн и У Цзянь Ху не побежали к открытой двери, разбив стекло в окне, выскочили наружу. Осколки стекла воткнулись в их лица, но они этого даже не заметили. Кровь текла по ним, но они не обращали на нее внимания.

Перед их глазами стояли сын и невестка с младенцем на руках. Их наследник! Их внук!

Они почти довели до безумия стариков. Как бы быстро они не бежали, сын и невестка уходили дальше.

- Отдай мне моего внука... внука... моего внука... -кричал Цуй Лао Гэн.

- Вы ушли... дети остаются...оставьте ребенка... - У Цзянь Ху кричала тоже.

- Остановите их!

Полицейские бросились останавливать арестованных. Им казалось, что сегодня на деревню напал злой дух, ибо как объяснить, что ранее произошло в доме Чжао Лао Саня, а теперь и здесь.

Однако полицейские не успевали перехватить их не потому, что У Цзянь Ху и Цуй Лао Гэн, несмотря на наручники бежали быстрее их, а потому, что они побежали в туалет старосты деревни.

Старые туалеты в сельской местности в основном состоят из вырытой ямы, над которой сооружалась деревянная постройка.

- Внук! – крикнули старики и прыгнули в выгребную яму.

...Хлоп, - раздался булькающий звук.

Один из полицейских на ходу снял куртку, собираясь лечь на пол и спасти людей, но Цуй Лао Гэн и У Цзянь Ху барахтались в выгребной яме, пытаясь выбраться, но каждый раз их лбы утыкались в невидимую преграду.

Бах!

Бах!

Раздались два сильных четких звука удара. Старики, истекая кровью, упали в нечистоты. Очевидно, оба были мертвы.

Лян Чуань, наблюдавший за ними в темноте, медленно обернулся: три жизни исчезли благодаря его стараниям.

Он не чувствовал боли, не чувствовал себя гадко. Это то, что они заслужили.

Лян Чуань слегка дрожал, необъяснимое чувство переполняло его сердце.

Он медленно закрыл глаза, позволяя себе успокоиться. Пришло время успокоиться, но...

Когда Лян Чуань снова открыл глаза, они были малиновыми!

Руки Лян Чуаня медленно сжались и медленно разжались. Казалось, он сопротивлялся, стараясь сдерживаться, из-за чего его тело выглядело напряженным.

Из глубин сердца Лян Чуаня раздался голос:

- Нет, нет, я еще недостаточно убил. Меня тошнит от этой деревни. Это деревня бездушных людей, деревня каннибалов. Отвратительная деревня! Как можно позволить ей продолжить существование в этом мире?

На лице Лян Чуаня отразилась боль. Он изо всех сил пытался закрыть и открыть глаза. Снова и снова он открывал и закрывал их, но краснота не исчезла.

Шатаясь, он побрел к входу в дом. Несколько талисманов, которые раньше на нем не срабатывали, начали медленно нагреваться, но Лян Чуань не замечал их.

Убивая демона, рыцарь сам становится демоном...

<http://tl.rulate.ru/book/43574/1866363>